
ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА ВОПРОСЫ ПОЛИТОЛОГИИ

Марченко М.Н.

ПРИНЦИП ПРЯМОГО ДЕЙСТВИЯ ПРАВА ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

В данной статье определяется характер взаимосвязи и взаимодействия права Европейского Союза и национального права. Исследователи верно подмечают, что в практическом плане осуществление принципа прямого действия права, наряду с принципом его верховенства, означает «для физических и юридических лиц возможность опираться на право сообществ и добиваться его реализации через суды государств-членов», а для европейского правопорядка – его утверждение и развитие.

Ключевые слова: Право Европейского союза, национальное право, принципы права Европейского союза, акты Европейского союза, рамочные решения.

В системе разнообразных принципов права Европейского Союза особое место занимает принцип прямого действия этого права в его отношениях с национальным правом.

В правовой теории и практике этот принцип не без оснований, именуя «доктриной прямого действия», относят вместе с принципом верховенства европейского права к разряду **фундаментальных принципов**, на основе которых строится и «поддерживается европейский правопорядок»¹, рассматриваемый в настоящее время, с подачи Европейского суда, не иначе, как в качестве «конституционного правопорядка»².

Определяя характер взаимосвязи и взаимодействия права Европейского Союза и национального права, исследователи верно подмечают, что в практическом плане осуществление принципа прямого действия права, наряду с принципом его верховенства, означает «для физических и юридических лиц возможность опираться на право сообществ и добиваться его реализации через суды государств-членов», а для европейского правопорядка – его утверждение и развитие³.

В теоретическом и практическом плане принцип прямого действия европейского права проявляется в виде возможности и способности норм, содержащихся в актах, исходящих от органов и институтов Евросоюза и Сообществ, выступать в виде регулятора общественных отношений, возникающих на территории государств-членов, непосредственно, напрямую, без необходимости их ратификации или иных форм их официального признания со стороны государств.

Такого рода прямое, беспрепятственное применение актов Европейского Союза и Сообществ на территории государств-членов несомненно способствует усилению взаимосвязи и взаимодействия правовой системы данного национального образования с национальными правовыми системами и тем самым создает необходимые условия для повышения их общей слаженности и усиления эффективности.

Говоря об этом, нельзя не согласиться с мнением, высказанным в литера-

туре, о том, что если бы на пути прямого воздействия права Евросоюза и Сообществ на национальное право существовало «ограничение» в виде необходимости его ратификации или иной формы имплементации, то это право «утратило бы свою нынешнюю эффективность, поскольку необходимость согласительной процедуры поставила бы её реализацию в жесткую зависимость от каждого государства-члена и общие интересы могли бы быть серьезно нарушены»⁴.

Анализ действующего законодательства и судебной практики Европейского Союза со всей очевидностью указывает на то, что, хотя принцип прямого действия наднационального права представляется в виде фундаментального, а следовательно – в известной степени универсального принципа, который, по логике вещей, должен был бы распространяться на все без исключения акты, исходящие от наднациональных органов и институтов, однако – это не совсем так⁵. Данный принцип имеет *широкоохватывающий, но отнюдь не всеохватывающий*, и к тому же – довольно дифференцированный *характер*.

Свое изначальное закрепление принцип прямого действия наднационального права получил в учредительных договорных актах Евросоюза и Сообществ, в частности, в Договоре, учреждающем Европейское сообщество, и распространялся лишь на некоторые юридические акты. А именно - на *регламенты* – «акты общего характера», являющиеся «обязательными во всех своих составных частях» как для наднациональных, так и для национальных органов и институтов и подлежащие «прямому применению во всех государствах-членах», а также – на *решения*, содержащие в себе положения нормативного характера, принимаемые по каждому конкретному случаю, и являющиеся обязательными «во всех своих составных частях» для каждого субъекта права, «кому они адресованы», включая государства – члены, корпорации и другие юридические и физические лица⁶.

В более поздний период принцип прямого действия наднациональных актов был распространён практикой Европейского суда справедливости также на ряд других правовых актов, исходящих от различных органов и институтов Евросоюза, в том числе – «в порядке исключения» - на *директивы* как на «инструмент» гармонизации и определённой унификации наднационального и национального права⁷.

В соответствии с судебной практикой 80-х и 90-х годов, директива может иметь прямое действие в тех случаях, если она не была имплементирована, несмотря на истечение срока её реализации в национальное право, и если она по своему содержанию является «достаточно конкретной, чтобы применяться в отдельном случае»⁸. Прямое применение директивы основывается на принципе “*effet utile*”, направленном на придание правовым нормам Евросоюза и Сообществ максимальной эффективности. Прямое действие директив имеет так называемый вертикальный характер, означающий, что субъекты права – юридические и физические лица, защищая свои интересы, могут ссылаться на директивы только по отношению к национальным государственным властям и судам (вертикальное действие по отношению к третьим лицам).

Однако это действие директив, будучи ограниченным сферой взаимоотношений государства и граждан, не распространяется на взаимоотношения субъектов права – частных лиц и, соответственно, не создает для них никаких прав и обязанностей. Это означает, что прямое действие этих актов, распространяясь лишь на сферу отношений, возникающих *между частными лицами и го-*

сударством, и не затрагивая отношения, возникающие между юридическими и физическими лицами, имеют только вертикальный, но не *горизонтальный характер*⁹, именуемый таковым и рассматриваемый в качестве такового во всех тех случаях, когда один индивид выступает с претензиями по отношению к другому индивиду¹⁰ и когда в такого рода претензионных отношениях в качестве субъекта права, а точнее – в качестве одной из сторон не выступает ни государственный, ни надгосударственный институт или орган.

Уделяя значительное внимание прямому действию директив и выработке при этом определенных принципов и правил, Европейский суд справедливости, а вместе с ним и исследователи, исходят из того, что:

а) *правовой основой* принципа прямого действия директив, которые являются обязательными для каждого отдельно взятого государства-члена, какому они адресуются, «в том, что касается ожидаемого результата», *служит*, так же как и в отношении регламентов и решений, *статья 249 Договора*, учреждающего Европейское сообщество; б) обязательность применения директив в случае их прямого действия, равно как и в других случаях, *возлагается не только на национальные суды, но и на другие соответствующие органы государств-членов*¹¹; в) *во многих случаях* принцип прямого действия распространяется не на всю директиву как таковую в целом, а только на отдельные её положения или на ряд содержащихся в ней положений¹²; г) помимо общих условий и требований, при соблюдении которых реализуется принцип прямого действия наднационального права по отношению к национальному, в случаях с прямым применением директив *Европейский суд справедливости может выработать также и специальные условия* относительно каждого конкретного случая¹³; и д) в повседневной реальности принцип прямого действия европейского права зачастую *реализуется* не столько сам по себе, сколько во взаимосвязи и взаимодействии с другими соотносящимися с ним принципами (принцип верховенства наднационального права, принцип пропорциональности и др.).

Основные положения, касающиеся прямого действия директив в целом или их отдельных составных частей, в значительной степени относятся также к прямому действию ряда других нормативно-правовых и индивидуальных актов, издаваемых наднациональными европейскими органами и институтами. Хотя при этом, в силу того, что принцип прямого действия, в отличие, скажем, от принципа верховенства наднационального европейского права по отношению к национальному, не имеет безусловного характера, не может быть полного совпадения требований и условий, при которых непосредственно применяется на территории национальных государств тот или иной наднациональный акт.

Подобно тому, как правовая теория и юридическая практика Европейского Союза и Сообществ выработала целый ряд способов или форм «перехода» («перемещение» - *transposition*) норм наднационального права в национальное, так и Европейский суд справедливости сформулировал, опираясь на соответствующие положения учредительных договоров, ряд прецедентных правил в виде определенных требований и условий, при наличии которых реализуется принцип прямого действия различных наднациональных актов.

Среди наиболее распространенных форм «перехода» норм наднационального, в основе своей романо-германского, права в национальное, в частности, в общее право Великобритании, выделяются такие, как инкорпорация норм и различных положений общеевропейского права в действующее национальное,

в данном случае – английское право; принятие новых или изменение существующих национальных актов в плане реализации требований, содержащихся в национальных актах и др.¹⁴.

Что же касается требований и условий прямого действия наднационального права по отношению к национальному праву своеобразной формы «перемещения», а точнее – «внедрения» первого во второе, то здесь, применительно к различным группам наднациональных нормативно-правовых и иных актов, существует свой *дифференцированный подход*¹⁵.

Признание конкретной нормы наднационального права как непосредственно действующей резонно подмечается в связи с этим в научной литературе, «зависит, во-первых, от ее содержания, а во-вторых, от источника, в котором она закрепляется»¹⁶.

Исходя из этого, все наднациональные нормативно-правовые и иные акты, с точки зрения возможности и степени их прямого действия или применения на территории государств-членов, можно подразделить на следующие три группы:

1. на акты, которые *в полном объеме* и вне всяких условий имеют прямое действие. Это регламенты, решения и некоторые другие нормативно-правовые и индивидуальные акты, исходящие от европейских негосударственных органов и институтов;

2. на акты, *имеющие прямое действие лишь при соблюдении определенных условий и требований*, сформулированных и закрепленных в соответствующих решениях Европейского суда справедливости. Это, в частности, директивы, договорные акты, заключаемые Европейскими сообществами с «третьими странами», и ряд других актов. При этом, как верно замечают исследователи,¹⁷ нередко бывают такие ситуации, когда один и тот же источник включает нормы, одни из которых обладают прямым действием, а другие не имеют такового (например, нормы-цели, нормы-дефиниции и др.);

3. на акты, которые не могут ни при каких обстоятельствах и условиях в настоящее время иметь прямого действия. Речь идёт, в частности, об актах, принимаемых в процессе сотрудничества полиции и судебных органов государств-членов в уголовно-правовой сфере.

Это такие, например, акты, принимаемые «единогласно по инициативе любого государства-члена или комиссии» Советом, как *рамочные решения*, которые, согласно Договору о Европейском Союзе, являются обязательными для государств-членов «в отношении результата, которого нужно достичь, оставая в то же время национальным инстанциям компетенцию относительно формы и методов достижения», но вместе с тем они «не могут иметь прямого действия». В данном случае имеются в виду рамочные решения, принятые в целях сближения «законодательных и регламентарных положений» государств-членов.

Аналогично обстоит дело и с рядом других решений Совета, принимаемых в уголовно-правовой сфере сотрудничества полиции и судебных органов государств-членов в соответствии с Договором о Европейском Союзе, которые хотя и являются для них обязательными, но, тем не менее, «не могут иметь прямого действия»¹⁸.

3. В такого рода случаях, когда наднациональный акт, *будучи обязательным* по своей сути и характеру для государств-членов и их различных органов, но вместе с тем *не имеет и не может иметь прямого действия*, в отечествен-

ной и зарубежной литературе обычно квалифицируют как акт, подлежащий не прямому применению, а «*опосредованному исполнению*».

Констатируя, что «в большинстве случаев право сообществ исполняется государствами-участниками», авторы акцентируют внимание на том, что «следует непосредственное внимание на том, что «следует непосредственное межгосударственное исполнение отличать от опосредованного межгосударственного исполнения»¹⁹. При этом подчеркивается, что если при «*непосредственном исполнении*», то есть при прямом действии «процесс осуществляется за счёт прямо применяемого первичного права, распоряжений и непосредственно действующих директив», то при «*опосредованном межгосударственном исполнении*» «работает» национальное право, имея в виду, что «исполнение осуществляется посредством издания национальных законов, постановлений и распоряжений»²⁰.

Разумеется, что данные национальные акты издаются «на основе и во исполнение» соответствующих наднациональных актов. таких, в частности, как рамочные и иные решения, принимаемые в уголовно-правовой сфере и выступающие в качестве своего рода основы наднационального и национального законодательства в данной области²¹.

В процессе принятия и применения этих актов, являющихся составной частью, звеном «опосредованного исполнения» соответствующих наднациональных актов, так же, как и в процессе прямого применения последних, когда это допускается действующими европейскими нормативами, законодатель должен руководствоваться такими общезначимыми принципами, как *принцип эффективности*, исходящий из того, что реализация норм, содержащихся в национальных актах, «не может быть практически невозможной или затруднённой»; *принцип равнозначности, или эквивалентности*, согласно которому национальное право не может быть менее благоприятным по сравнению с соответствующими нормами наднационального права и который направлен на «предотвращение пренебрежения, осторожностью при применении права Сообществ по отношению к сугубо национальным делам»²² и др.

Подразделение всего процесса реализации, а точнее – применение права Европейского Союза и Сообществ на две составные части- «прямое применение во всех государствах-членах» и «опосредованное исполнение», несомненно носит довольно условный характер, имея в виду то обстоятельство, что некоторые наднациональные акты, в частности, директивы, в одних своих составных частях могут иметь прямое действие, а в других – реализовываться путём «опосредованного исполнения».

Аналогичным образом обстоит дело и с договорными актами, включая, естественно, и учредительные договоры, которые, по заключению экспертов, содержат в себе, с одной стороны, положения, подлежащие «прямому применению на территории государств-членов», а с другой - «общие положения», требующие для своей реализации на территории, находящейся под юрисдикцией государств-членов, принятия на национальном уровне специальных нормативно-правовых актов²³.

Европейский суд справедливости неоднократно указывал на то, что ряд положений, содержащихся, в частности, в Договоре об учреждении Европейского сообщества, в силу своего весьма общего характера, «не могут иметь прямого действия»²⁴.

Это касается, например, таких положений, по которым была обозначена позиция Европейского суда, как положения, связанные с реализацией принципа субсидиарности (ст.5), с определением квот в сфере межгосударственной торговли (ст.33), с реализацией принципа свободного движения капитала (ст. ст. 67, 71), с осуществлением различных сторон и аспектов социальной политики государств-членов (ст. ст. 117,118) и др²⁵.

Наличие таких «двойственных» по своей природе и характеру, с точки зрения прямого действия, актов, как директива, равно как и многих общих положений учредительных и иных договоров, которые не могут быть реализованы непосредственно, а лишь путём издания соответствующих национальных актов, свидетельствует, помимо всего прочего, о том, что **общеобязательный характер наднациональных правовых актов далеко не всегда соотносится с непосредственным характером их применения**. Здесь имеет место определённый и вполне понятный «разрыв» между общеобязательностью наднациональных актов и непосредственностью их применения, реализацией их без помощи национальных актов. В известной мере он является порождением и одновременно – отражением того соотношения полномочий в правотворческой и правоприменительной сфере, которое сложилось между наднациональными органами и институтами, с одной стороны, и суверенными национальными государствами, с другой.

Имея общеобязательный и в этом смысле безусловный характер, многие наднациональные акты, тем не менее, полностью или частично «проникают» в национальные правовые системы не прямо, непосредственно, как это следовало бы осуществлять по отношению к общеобязательным актам, а «косвенно», опосредованно²⁶.

В результате этого в национальных правовых системах, за исключением непосредственно реализуемых наднациональных актов, свидетельствующих о наличии у Евросоюза и Сообществ таких правотворческих полномочий, которые позволяют принимать акты, напрямую входящие в эти системы, сохраняется весьма значительный массив правовых норм, которые прямо или косвенно опосредуются национальными государствами. Его объём, равно как и сфера его применения, тесно связаны и полностью зависят от уровня развития процесса общеевропейской экономической, социальной, политической и иной интеграции вообще и государственно-правовой интеграции в частности.

Усиление этого процесса неизбежно, самой логикой развития событий, ведёт к увеличению объёма и расширению сферы прямого применения на территории государств-членов правовых норм, порождаемых общеевропейскими органами и институтами и, соответственно, - к сокращению объёма и сужению сферы применения правовых норм, прямо или косвенно опосредуемых государствами-членами. И наоборот, ослабление, а тем более – торможение или развитие вспять данного процесса с неизбежностью приведёт к обратному результату. А именно - к сохранению на прежнем уровне или расширению сферы действия национального права и, соответственно, - к сужению сферы, в том числе и прямого применения, наднационального права.

4. Рассматривая особенности принципа прямого действия права Европейского Союза и Сообществ, необходимо заметить, что, помимо классификации норм и юридически значимых положений на нормы и положения вертикального и горизонтального характера, нормы и положения прямого и опосредованного испол-

нения, а также на так называемые нормы «самоприменения»²⁷, многие западные авторы подразделяют нормы и положения прямого действия, а вместе с ними – и соответствующие принципы, на феномены под названием «*прямое действие*» (direct effect) и «*прямое применение*» (direct applicability).

В отечественной литературе, вслед за западными авторами, не разделяющими данные позиции, верно констатируется, что грань между этими понятиями «является весьма тонкой, и ее не всегда удастся точно провести»²⁸. Ведь не случайно даже Европейский суд справедливости, как отмечают исследователи, далеко не всегда бывает последователен в данном вопросе, имея в виду, что в одних случаях он вообще не приводит различия между «прямым действием» и «прямым применением» наднационального права²⁹, а в других – хотя и приводит между ними грань, но при этом допускается смешение используемых терминов и понятий³⁰.

Не случайно и то, что среди экспертов в области общеевропейского права по данному вопросу никогда не было единого мнения, свидетельством чего является то, что одни авторы традиционно проводят различие между «прямым действием» национального права и его «прямым применением», другие рассматривают их как «равнозначные», а третьи исходят из того, что «хотя различие между этими понятиями существует, но их не следует преувеличивать» («драматизировать» - to dramatize)³¹.

Однако, как бы там ни было, факт остаётся фактом, что значительная часть исследователей-теоретиков и практиков считает необходимым не только проводить, но и тщательно учитывать в процессе познания характера отношений наднационального и национального права различие между «прямым действием» и «прямым применением» первого по отношению ко второму.

Несмотря на зачастую допускаемую при этом терминологическую путаницу и подмену понятий, как об этом свидетельствуют источники³⁴, весь ход рассуждений авторов сводится в конечном счете к тому, что под «*прямым применением*» наднационального права понимается получение юридической силы *национальными актами на территории государств-членов* без принятия каких бы то ни было иных актов, вводящих их в действие.

Данное представление о «прямом применении» и его понятие своим источником происхождения имеют, по заключению экспертов, монистическую концепцию международного права и адресуются в основном государствам-членам и их органам³⁵.

Что же касается «прямого действия» (в немецком варианте- «unmittelbare Wirkung») национального права³⁶, то, судя по многочисленным исследованиям, речь идёт о непосредственном применении на территории государств-членов таких *положений, содержащихся в учредительных договорных актах*, которые:

1. в той или иной степени касаются прав и свобод индивидов;
2. могут и должны быть непосредственно обеспечены национальными судами;
3. являются чёткими и ярко выраженными;
4. не требуют принятия каких-либо дополнительных актов или иных мер со стороны национальных органов и институтов, равно как и со стороны государств-членов, для своей реализации;
5. в силу своей ясности и чёткой выраженности не нуждаются в толковании;
6. не оставляют для государств-членов никакой «сколько-нибудь существ-

венной свободы и возможности усмотрения» в процессе их применения.

В числе такого рода положений, содержащихся в учредительных договорных актах и попадающих под категорию актов прямого действия, в научной литературе и в европейской судебной практике выделяются такие положения, которые касаются: запрещения дискриминации по национальному признаку; сохранения равной оплаты труда мужчин и женщин; недопущения принятия мер, которые в той или иной степени ограничивают права и возможности государств в сфере борьбы с монополизмом; обеспечения свободного перемещения в рамках Евросоюза в целом и каждого государства-члена в отдельности товаров и рабочей силы и др.

Наличие данных и иных им подобных, чётко выраженных по форме и юридически значимых по сути и содержанию положений учредительных договорных актов, применение которых напрямую, без каких бы то ни было дополнительных актов, обеспечиваются судебными органами, свидетельствует, с одной стороны, об относительной широте сферы прямого действия национального права, а с другой – о ее сложности и внутренней противоречивости.

Последнее особенно ярко прослеживается тогда, когда авторы пытаются проводить четкую, трудно проводимую грань между «прямым действием» и «прямым применением». Ведь по сути дела и то, и другое является не чем иным, как *формой прямой реализации общеевропейского права на территории традиционного действия национального права.*

Существующая же между ними разница, заключающаяся в основном в том, что нормы и положения одной из данных групп, непосредственно действующих на территории государств-членов, содержатся в актах, исходящих от наднациональных органов и институтов, а второй – в учредительных договорах, не имеет, как представляется, сколько-нибудь важного в теоретическом и практическом плане значения.

M. MARCHENKO

PRINCIPLE OF DIRECT ACTION OF THE RIGHT OF THE EUROPEAN UNION

Character of intercommunication and co-operation of right for European Union and national right, researchers, is determined in this article, right, notice that in a practical plan realization of principle of direct action of right, along with principle of his supremacy, means «for physical and legal persons there is possibility to lean against a right for associations and labour for his realization through the courts of gosudarstv-chlenov», and for the European law and order is his assertion and development.

Key words: the right of the European union, the national right, principles of the right of the European union, certificates of the European union, frame decisions.

(Endnotes)

1 Micklitz H. The Politics of Judicial Cooperation in the EU. Cambridge.2005.P.5

2 Judgment of 25 February 1988. Case 249/83. Les Verts – Parti Ecologiste V.Parlement.(1988). ECR 1017.

3 Топорнин Б.Н. Европейское право. М., 1998. – С.305.

4 Топорнин Б.Н. Указ.соч. – С. 307.

5 Edward D., Lane R. European Community Law. An introduction. Edinburgh, 1995. P.P. 39-40.

6 Договор, учреждающий Европейское сообщество. Ст. 249. – В кн.: Европейское право. Рук.

-
- авт.колл. и отв. ред. Энтин Л.М., – 2004. – С. 670.
- 7 Judge St. Business Law. L., 1999. P.P. 16-18.
- 8 Гарниг Г., Витвицкая О. Право Европейского Союза. М., 2005. – с. 59-60.
- 9 Case 152/84 (1986). ECR 723; Case C-91/92 (1994). ECR 1 – 3325.
- 10 Prechal S. Directives in EC Law. Oxford. 2005. P. 255.
- 11 Case 103/88 Constanzo (1989). ECR 1839.
- 12 *ibid.*, P. 241.
- 13 Case 158/80 Butter-buying cruises (1981). ECR 1805.
- 14 Bennion F. Understanding Common Law Legislation. Oxford. 2001. P.P.152-154.
- 15 Collins L. European Community Law in the United Kingdom. L.,1990. P.P. 44-52.
- 16 Право Европейского Союза. Под ред. Кашкина С.Ю. С.116
- 17 Там же.
- 18 Договор о Европейском Союзе. Ст. 34, п.п. «в», «с». - В кн. Горниг Г., Витвицкая О. Право Европейского Союза. М., 2005. – С.248.
- 19 Горниг Г., Витвицкая О. Право Европейского Союза. – С. 66.
- 20 Там же.
- 21 Claudina R. the Supremacy of Community Law Before the French Constitutional Court. – European Law Review. 2006. Vol. 31. № 4. P.P. 499-516; Schiek D. Private Rule – making and European Governance - issues of legitimacy.- European Law Review. 2007. Vol. № 4. P.P. 443-465.
- 22 McCormick J. The European Union Politics and Policies. Cambridge. 2004. P.P. 188-191; Горниг Г., Витвицкая О. Указ. соч. – с.67.
- 23 Lenaerts K. Nuffel P. Constitutional Law of the European Union. L. 2005. P. 346.
- 24 Lenaerts K. Nuffel P. *Op. cit.* P.346.
- 25 Case 13/68: Salgoil SpA v. Italian Ministry of Foreign Trade (1968). ECR 453-461; Case 203/80: Re casati (1981). ECR 2595, 2615; Case 126/86 Jimenez Zaera v. Instituto Nacional de la Seguridad Social (1989). CMLR 827; etc.
- 26 Micklitz H. The politics of Judicial Co-operation in the EU. Cambridge. 2005. 2005. P.P. 5-11.
- 27 Collins L. European Community Law in the United Kingdom L., 1990. P.P.45-46.
- 28 Право Европейского Союза. Под ред. Кашкина. С. 114.
- 29 Case 2/74 Reyners (1974). ECR 631; Case 43/75 Defrenne (1976).
- 30 Lenaerts K., Nuffel P. Constitutional Law of the European Union. L., 2005. P.P. 338-339.
- 31 Prechal S. directives in ES Law. Oxford. 2005. P.P. 221-222.
- 32 Lenaerts K. Nuffel P. *Op. cit.*, P.P.337-340.
- 33 *Ibid.*, P. 339.
- 34 Prechal S. *Op. cit.* P. 221.
- 35 Judge St. Business Law. L., 1999. P.P. 16-17; Peterson J. and Shackleton M. The institutions of the European Union. Oxford. 2002. P.P. 129-131; Lewis C. Judicial Remedies in Public Law. L., 2004. P.P. 577-583; etc.
- 36 Case 45/75. Rewe-Zentrale V. HZA Landau – Platz (1976). ECR 181-198; Case 43/75. Defrenne V. SA SABENA (1976). ECR 455; etc.